

**Иностранная критика о
Горьком**

Сборник статей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И68

И68 Иностранная критика о Горьком: Сборник статей / – М.: Книга по Требованию,
2018. – 328 с.

ISBN 978-5-517-98199-8

ISBN 978-5-517-98199-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Англійская критика.

Книга Е. Н. Диллона „Maxim Gorky and His life and writings“. *)

Какъ ни богата Россія людьми, вышедшими изъ низшихъ слоевъ общества и благодаря энергїи и упорному труду проложившими себѣ путь къ высшимъ сферамъ искусства, науки, или дипломатїи, однако никто еще не достигалъ такъ быстро и такой громкой славы, какъ молодой писатель, называющій себя „Максимомъ Горькимъ“. Для многихъ критиковъ причина такого необыкновенно быстрого успѣха и небывалой популярности остается до сихъ поръ необъяснимой тайной, такъ какъ они едва ли соответствуютъ истинному значенію его книгъ. Къ тому же причины эти очень многочисленны и очень разнообразны. Во первыхъ: романтизмъ его жизни, продолжительныя скитанія съ мѣста на мѣсто, тяжелая борьба за существованіе, которую ему съ самыхъ раннихъ лѣтъ приходилось вести, холодъ, голодъ, все это имѣло рѣшающее вліяніе какъ на отношеніе къ нему читающей публики, такъ и на свойство его таланта и даже философское мировоззрѣніе, и Россія, конечно, единственная страна въ мірѣ, гдѣ мыслима такая необыкновенная карьера, какова карьера Горькаго; нигдѣ больше общественныя перегородки не поддаются такъ легко натиску необработаннаго таланта парїя, нигдѣ двери не растворяются такъ широко пе-

---

*) Мы помѣщаемъ здѣсь лишь краткое изложеніе книги Диллона выпуская всѣ біографическія данныя, извѣстныя русскому читателю. Въ Contemporary Review 1901 г. № 432 была помѣщена статья о Горькомъ, того же автора но т. к. она является повтореніемъ его книги лишь въ болѣе сокращенномъ видѣ, то мы ее тоже опускаемъ

редь нимъ, когда онъ стучится въ нихъ во имя науки или искусства. Здѣсь каждая искра таланта, загорѣвшаяся въ дикихъ степяхъ или грязныхъ трущобахъ, привѣтствуется какъ чистое золото, такъ какъ гуманное сочувствіе ко всемъ униженнымъ—основная черта русской интеллигенціи и русскаго народа, и каждый готовъ даже на жертвы лишь бы облегчить имъ путь. Съ этой точки зрѣнія никто послѣ Ломоносова, не имѣлъ столько правъ на вниманіе и уваженіе своихъ соотечественниковъ, какъ Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, злосчастный сынъ нижегородскаго обойщика. И дѣйствительно, имя Максима Горькаго сдѣлалось извѣстнымъ много раньше, чѣмъ его сочиненія появились отдѣльной книгой. Молодой писатель сталъ предметомъ самыхъ горячихъ споровъ: его талантъ сравнивали съ талантомъ Толстого или Достоевскаго, его направленіе и вліяніе сравнивали со струей свѣжей ключевой воды среди стоячаго болота; публика собиралась толпами въ аудиторіяхъ, чтобы прослушать отрывки его произведеній, привѣтствуя ихъ громкими оваціями; критики исписывали цѣлыя страницы, разсыпаясь въ похвалахъ его таланту. Такое восторженное отношеніе почти всѣхъ слоевъ общества къ молодому писателю вызывалось однако надеждами и стремленіями, ничего общаго съ литературой или искусствомъ не имѣющими. Въ Горькомъ чествовали главнымъ образомъ пророка, предвѣщающаго наступленіе новой эры и новыхъ порядковъ. Русское общество вообще смотритъ на своихъ писателей не только какъ на представителей искусства, но и какъ на своихъ политическихъ вождей, обязанность которыхъ принять близкое и горячее участіе въ общественномъ движеніи. Такимъ образомъ русскому писателю приходится быть не только умственнымъ, но и общественнымъ руководителемъ своихъ современниковъ, а такъ какъ Горькій—горячій поборникъ свободы во ~~всѣхъ~~ ея видахъ, то онъ удовлетворялъ этой общественной потребности больше чѣмъ кто-либо другой.

Моментъ появленія Горькаго на литературномъ поприщѣ былъ также необыкновенно для него благопріятенъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ его появленіе прошло-бы почти незамѣченнымъ;

и можетъ быть въ непродолжительномъ времени, когда лихорадочный подъемъ русскаго общественнаго настроенія немного уляжется и начнется спокойное обсужденіе его сочиненій, то теперешнія, слишкомъ поспѣшныя сужденія о нихъ несомнѣнно измѣнятся. Дѣло въ томъ, что русская интеллигенція постоянно выискиваетъ средства освободиться отъ гнета бюрократизма, и въ этихъ поискахъ увлекается то той, то другой панацеей противъ социальныхъ золъ. Такъ, напр. въ продолженіе четверти вѣка все интеллигентное общество искало нравственнаго оздоровленія и новыхъ силъ въ матери-землѣ. На крестьянъ смотрѣли какъ на избранниковъ, которые какимъ-то чудомъ сдѣлались источникомъ всего великаго и благороднаго въ славянской расѣ. Наиболее ревностные апостолы этого ученія „профессора, студенты, учителя, землевладѣльцы“ раздавали свое имущество, бросали все и „шли въ народъ“, надѣясь въ тѣсномъ общеніи съ мужикомъ проникнуться присущей ему благодатью и затѣмъ, благодаря своему болѣе развитому интеллекту, сумѣть употребить ее на общее благо. Пока господствовало подобное преклоненіе передъ крестьяниномъ, писателю, какъ Максимъ Горькій, не могло быть мѣста на Русской землѣ. Но прошли года: съ одной стороны наступило разочарованіе, съ другой — Россія пережила крупныя социальныя пережѣны. Народныя массы, разьединенныя раньше громадными пространствами, теперь стали сталкиваться и сближаться; капиталъ сдѣлался могучимъ факторомъ развитія и богатства страны; громадныя сѣти желѣзныхъ дорогъ протянулись во всѣ стороны, соединяя самые отдаленные города и захолустныя мѣстечки, и волны культуры стали свободно проникать даже туда; всюду съ удивительной быстротой вырастали фабрики и заводы, занимавшіе громадное количество крестьянскихъ рабочихъ рукъ. Сотни земледѣльцевъ, которыхъ не могли долѣе прокармливать ихъ надѣлы, надѣясь на хорошій заработокъ и большую самостоятельность, бросали хозяйство и стремились въ городъ. Многіе изъ нихъ дѣйствительно находили искомое и нѣкоторые даже, благодаря энергіи и настойчивости, добивались благосостоянія. Но многіе, оторванные отъ земли и привычныхъ занятій, ничѣмъ не сдер-

живаемые и деморализованные легкимъ трудомъ, затирались вмѣстѣ съ неспособными и слабыми въ общей борьбѣ за существованіе и становились одинаково непригодными какъ для городской, такъ и для деревенской жизни. Были и такіе между ними, что работали лишь небольшую часть года, а остальное время проводили въ продолжительныхъ странствованіяхъ по родной землѣ, наслаждаясь неограниченной свободой и полагаясь исключительно на себя, чтобы поддержать свое существованіе трудомъ, а при случаѣ и насиліемъ. Но эта жизнь имѣла свои дурныя стороны: странствуя по безконечнымъ степямъ центральной Россіи, терпя голодъ, холодъ и постоянныя притѣсненія со стороны властей, ими подѣ конецъ овладѣвала непреодолимая ненависть ко всему организованному обществу и его представителямъ, а любовь къ свободѣ вырождалась въ жажду необузданнаго своеволія. Между этими смѣлыми людьми и неподвижнымъ, забитымъ крестьяниномъ цѣлая пропасть; боясь, несмотря на всѣ свои недостатки, кажется гораздо симпатичнѣе представителямъ новыхъ общественныхъ теченій нежели инертный земледѣлецъ. Вокругъ этихъ-то многочисленныхъ послѣдователей идеала личной свободы вертится весь циклъ „горьковскихъ разсказовъ“. Онъ любитъ своихъ „бывшихъ людей“ вопреки ихъ порокамъ и главнымъ образомъ за тѣ качества, которыя породили эти пороки. Правда, у нихъ совершенно отсутствуютъ инстинкты и принципы, которые мы привыкли отождествлять съ понятіемъ о нравственности; правда, не признавая никакихъ условностей, они, сознавая свою безнравственность, совершенно не стыдятся ея; они—гордые дѣти природы, глубоко проникнутыя ея правдой, тогда какъ приниженный и лицемерный горожанинъ, прикрываясь внѣшней нравственностью, въ то же время втихомолку способенъ нарушить всѣ ея законы.

■■■■■, на которомъ ярко выступаютъ типы Горькаго, всегда мрачнѣй (?), сѣрый, такъ же какъ типичная русская музыка всегда въ минорномъ тонѣ, а русская философія всегда пессимистична; въ этомъ отношеніи у Горькаго есть сходство и съ Тургеневымъ, и съ Толстымъ, и съ нѣкоторыми другими русскими

писателями, менѣе извѣстными на западѣ. Отличается онъ отъ нихъ объектомъ своихъ произведеній; описывая жизнь, съ которой всего лучше знакомъ, и которой всего больше симпатизируетъ, онъ выбираетъ своихъ героевъ среди подонковъ общества и указываетъ на яркіе проблески свѣта въ этихъ мрачныхъ низинахъ цивилизованнаго міра и старается пробудить въ сердцахъ читателей теплое сочувствіе къ людямъ, которые тамъ уродуются и погибаютъ. Эти погибшіе, отщепенцы всѣхъ слоевъ общества, не составляютъ, по мнѣнію Горькаго, отдѣльнаго класса и лишены какой бы то ни было организаціи Ихъ объединяютъ нѣкоторыя общія всѣмъ имъ черты характера, рѣзко отдѣляющія ихъ отъ всѣхъ остальныхъ слоевъ общества: главная изъ нихъ—отсутствіе общественныхъ инстинктовъ и ненависть ко всякой нравственной уздѣ. Этотъ, какъ бы первородный грѣхъ тяготѣетъ на ихъ волѣ, дѣлая, съ одной стороны совершенно неспособными къ совмѣстной съ другими людьми дѣятельности, а съ другой—лишая жизнь ихъ единства направленія и цѣли.

Въ своихъ психологическихъ этюдахъ Горькій раздѣляетъ бродягъ на двѣ очень различныя группы: съ одной стороны толпа мужчинъ и женщинъ, которые, въ силу своихъ грубыхъ, испорченныхъ натуръ, упали такъ низко, что имъ уже нѣтъ возврата. Это—несчастные, унаслѣдовавшіе ужасныя болѣзни, жертвы пьянства или неудачъ, рабы разврата. Съ другой, представители высшаго человѣческаго типа, безпокойные люди, жаждущіе свободы, бунтовщики по природѣ, предпочитающіе подобно сатанѣ царствовать въ аду, нежели служить небесамъ. Ничто въ жизни не можетъ удовлетворить ихъ мятежный духъ; спѣша отъ одного впечатлѣнія къ другому, отъ одной мысли къ другой, нигдѣ не находя удовлетворенія и покоя, они стремятся къ недостижаемому и непознаваемому.

Горькій описываетъ этихъ людей во всѣхъ фазисахъ ихъ развитія; благодаря ему ихъ жизнь и нравственный міръ, бывший до того совершенно неизвѣстнымъ, становится намъ понятнымъ. Въ яркихъ картинахъ передъ нами по очереди дефилируютъ то тихія, застѣнчивыя, но безпокойныя существа,

чистосердечно признающіяся въ своихъ ошибкахъ, терпѣливо переносящія свою тяжелую долю, считая ее заслуженнымъ наказаніемъ за прежніе проступки; то несчастные страдальцы, которые корчатся отъ боли при малѣйшемъ движеніи червя, подтачивающаго ихъ измученныя сердца; то люди, ищущіе отвѣта на неразрѣшимые вопросы, и наконецъ мятежники, одаренные почти сверхчеловѣческой силой и энергіей и страстно желающіе найти случай обратить въ прахъ все культурное общество, осмѣлившееся оттолкнуть ихъ съ отвращеніемъ.

Это своего рода идеалисты, мѣняющіе удобства и удовольствія цивилизованной жизни на свободу; порвавъ всякую связь съ обществомъ, они смотрятъ на культурнаго человѣка какъ на труса и врага; въ то же время у нихъ отсутствуетъ и чувство товарищества, которое въ минуты опасности проявляется даже у дикихъ животныхъ. Природа—ихъ единственный другъ, смерть—единственная надежда, а единственный законъ, который они признаютъ—право сильного.

Въ основѣ ихъ темперамента лежитъ какая-то болѣзненная непоследовательность, которая совершенно парализуетъ смягчающее вліяніе матеріальнаго благосостоянія, любви и другихъ жизненныхъ благъ, которыя удовлетворили бы всякаго другого человѣка; это номады, отнюдь не ищущіе тихаго пристанища: они любятъ свою скитальческую жизнь и не промѣняютъ ее ни на какую другую. Таковъ, напр., Кузьма въ «Тоскѣ». Въ разговорѣ съ Мотрей, которую любить, онъ говоритъ: «Не проси, говорю! Не въ моей это силѣ, чтобы здѣсь остаться: уйду я за Кубань... Волю мою ни на какую жену, ни на какія хаты не смѣню». («Тоска», стр. 288).

Таковъ же и Коноваловъ, мѣняющій любимую женщину и обезпеченное положеніе на скитальческій посохъ: эта страсть къ странствованіямъ характерная черта русскаго народа, рѣзко отличающая его отъ остальныхъ славянскихъ племенъ и съ незапамятныхъ временъ вліявшая на политическую, социальную и религіозную исторію Московскаго государства. Климатическіе причины не вполне объясняютъ это явленіе; вѣрнѣе, что здѣсь вліяетъ нестерпимая жизнь въ душныхъ избахъ

вѣчно впроголодь, безъ какой бы то ни было физической или нравственной дѣятельности. Главной же побудительной причиной къ бродяжничеству слѣдуетъ считать нестерпимыя условія сибирскихъ каторжныхъ работъ, которыя выгоняютъ на сибирскіе дороги и лѣса цѣлыя тысячи бѣглыхъ каторжниковъ. Русскіе лѣса тоже служатъ пристанищемъ множеству бродягъ, имѣющихъ основательныя причины избѣгать людей. Максимовъ, Левитовъ и нѣкоторые другіе пытались еще до Горькаго описать нравы и личности этого странствующаго населенія Россіи. Но поэтической талантъ Горькаго его цѣльность и горячая искренность ставятъ его несравненно выше всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Своихъ босяковъ онъ подраздѣляетъ на двѣ категоріи: выходцевъ изъ темной массы, сильная воля которыхъ лишь слабо управляется интеллектуальными способностями, и дезертировъ интеллигентныхъ классовъ. Каждое дѣло, каждое слово этихъ людей — страстный крикъ протеста противъ эгоизма и недобросовѣстности культурнаго человѣчества. И писатель стремится, чтобъ этотъ крикъ громко пронесся надъ всей страной. Его ошибка въ томъ, что онъ слишкомъ слабо объясняетъ, чтó побудило этихъ несчастныхъ покинуть семью, мѣсто своего рожденія и стать въ ряды безпріютныхъ, всѣми отверженныхъ бродягъ. Нельзя признать неудачи, несправедливости и слабость воли единственными причинами ихъ жалкаго, скитальческаго существованія; едва-ли также можно предположить вмѣстѣ съ Горькимъ, что ими руководитъ въ данномъ отношеніи духовная жажда выполнить какое-то высшее назначеніе. Это явленіе можно бы лучше всего объяснить непостоянствомъ невращенниковъ, не сдерживаемыхъ болѣе ни общественной, ни нравственной уздой. Казалось бы, что слѣдовало бы выяснить читателю причинную связь между современнымъ социальнымъ строемъ и бѣдственнымъ положеніемъ этихъ несчастныхъ. Но Горькій и здѣсь воздерживается отъ какихъ бы то ни было поясненій, а просто выводитъ передъ нами цѣлый рядъ преступниковъ, алкоголиковъ, фанатиковъ свободы, и требуетъ, чтобы мы отнеслись къ нимъ симпатично и постарались понять ихъ.

Заставляя своихъ героевъ приписывать свои неудачи судьбѣ, «звѣздѣ» или величію собственной души, онъ оказываетъ имъ плохую услугу, такъ какъ такимъ объясненіемъ слагаетъ съ общества всякую отвѣтственность за печальную долю этихъ людей.

Несомнѣнно, что изображеніе бессмысленнаго существованія этой грязной и пестрой толпы требуетъ нѣкоторой идеализаціи, но мнѣ кажется, что Горькій въ этомъ отношеніи превзошелъ мѣру въ ущербъ общему художественному впечатлѣнію.

Подобное сочетаніе правды и фантазіи создало типъ, не разъ уже появившійся въ литературѣ. Представителемъ его въ легендѣ является Василій Буслаевъ, а въ исторіи Степанъ Разинъ. Это сильные характеры, страстные поклонники свободы; они держатся особнякомъ; всѣ ихъ поступки свидѣлствуютъ о ихъ глубокомъ презрѣніи къ толпѣ и указываютъ на сознаніе собственного превосходства надъ ней. Эти люди растрачиваютъ по мелочамъ, безъ всякаго сожалѣнія, свою громадную нравственную силу, которая въ былыя времена создала бы героевъ. Для нихъ законы, сдерживающіе обыденную толпу, слишкомъ мелки, а потому они чувствуютъ себя одинаково свободными отъ нравственныхъ и физическихъ обязательствъ,—они какъ бы внѣ сферы добра и зла и одинаково способны на прощеніе, заступничество или обиду, даже на убійство, но при этомъ они никогда не руководствуются въ своихъ поступкахъ отвлеченными понятіями долга или справедливости, а прежде всего стараются проявить свою независимость и власть.

Рѣдко обдумывая свои поступки, они всегда дѣйствуютъ подъ вліяніемъ неудержимыхъ импульсовъ. Челкашъ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ законченныхъ типовъ подобныхъ идеализированныхъ разбойниковъ. Онъ свирѣпъ, мраченъ, неукротимъ, не разъ даже былъ на краю гибели и только чудомъ выпутывался изъ опасныхъ положеній, въ которыя самъ себя ставилъ. Это пьяница, воръ и контрабандистъ, который не отступитъ ни передъ какою опасностью. Словомъ, волкъ въ образѣ человѣка съ нѣкоторыми чертами характера льва. Ему противопоставляется крестьянинъ Гаврила, существо приниженное, жадное

и недовѣрчивое, не могущее обходиться безъ властелина. Онъ жаждетъ къ деньгамъ, и ради нихъ заглушаетъ въ своей душѣ зародыши нравственныхъ чувствъ и рѣшается идти съ Челкашемъ на смѣлое предпріятіе, догадываясь, что оно не исполнѣ чисто. Но предстоящая опасность его приводитъ въ ужасъ.

Эти два типа часто повторяются въ мелкихъ разсказахъ Максима Горькаго: первый—существо мощное, энергичное, презирающее людей и способное, несмотря на нравственное паденіе, временами подняться на необыкновенную высоту; другой—натура грубая и злобная, съ узкимъ нравственнымъ горизонтомъ, еще затемненнымъ мелочнымъ страхомъ и заботой. Первый—въ открытой борьбѣ со всѣмъ обществомъ; второй — носитель всего добраго и прекраснаго, какъ ихъ понимаетъ вульгарная масса. Слѣдя съ возрастающимъ интересомъ за взаимодействіемъ этихъ двухъ противоположныхъ натуръ, всѣ наши симпатіи на сторонѣ дикаго поклонника свободы, и только по окончаніи чтенія, послѣ того какъ удастся собраться съ мыслями и впечатлѣніями, мы приходимъ къ сознанію, что только что прочитанное ничто иное какъ талантливѣйшій панегирикъ анархизма и преступленія.

Въ другомъ представителѣ своихъ „сверхъ-бродягъ“, Макарь Чудра, Горькій старается воплотить идеальнаго человѣка своей анархической утопіи. Это одно изъ первыхъ произведеній талантливаго писателя, и оба героя кровавой драмы настолько не реальны, что невольно спрашиваешь себя, для кого же собственно написанъ этотъ разсказъ. Грубыя краски, слишкомъ очевидныя стремленія къ грандіознымъ эффектамъ, немного смѣшная чувствительность, дѣлаютъ его болѣе пригоднымъ для дѣтей нежели для взрослыхъ. — Очеркъ, „Старуха Изергиль“, несмотря на чудныя описанія природы, можно также назвать фальшивымъ, — онъ пропитанъ романтизмомъ и дешевой чувствительностью, оскорбляющей вкусъ культурнаго читателя. Большинство Горьковскихъ босяковъ страдаетъ болѣзненной меланхоліей. Источникомъ этой неизлѣчимой тоски служатъ по всей вѣроятности чрезмѣрная созерцательность, болѣзненная

чувствительность и сознание человеческого ничтожества въ сравненіи съ природой. Она, эта тоска, выражается въ потерѣ здраваго интереса ко всякой практической жизненной дѣятельности или цѣли и въ жаждѣ получить немедленный отвѣтъ на жизненную загадку,—получить его въ видѣ волшебной формулы, которая бы сразу выяснила всѣ ея тайнства. Одновременно съ этой гнетущей тоской развивается чрезмѣрно-обостренное сознание уродливости жизни человѣка, преувеличенное представленіе о ея приниженности, лжи и нечестности и возрастающее сознание бессмысленности жизненной борьбы, которая, каковъ бы ни былъ ея исходъ, всегда кончается смертью. Такія настроенія порождаютъ дряблость чувствъ, неясность сознанія и взглядовъ и дѣлаютъ невозможной здоровую и дѣятельную жизнь. Сильныя страсти этихъ несчастныхъ, съ которыми ихъ слабая воля не въ состояніи справиться, всецѣло овладѣваютъ ими и, то доводятъ до бѣшенства, то повергаютъ въ глубочайшее отчаяніе. Иногда же ихъ безцѣльные волненія суммируются въ одно исключительное и навязчивое представленіе, которое, какъ, напр., въ „Фомѣ Гордѣевѣ“ доводитъ ихъ до полнаго сумасшествія. Большинство героевъ Горькаго безнадежныя неврастеники, напр. Мальва, Коноваловъ, Орловъ.

Но стремленія этихъ ненормальныхъ людей сбросить съ себя стараго Адама одинъ только разговоръ и всецѣло зиждется на иллюзіи. Въ сущности, у нихъ нѣтъ привычки къ прозаичной и невидной, но полезной дѣятельности. Они требуютъ отъ жизни болѣе возвышеннаго дѣла, болѣе видной роли, такъ какъ считаютъ себя людьми высшаго порядка. Ихъ жизненный идеалъ—не здоровая кооперативная дѣятельность и даже не логическое мышленіе, основанное на фактахъ и приложимое къ дѣлу, но чувства, и чувства болѣзненные въ самомъ ихъ корнѣ; ихъ желанія фантастичны и неосуществимы. Многие поклонники Горькаго увѣряютъ, что было бы возможно вылечить больныхъ отщепенцевъ социальными реформами, но это несомнѣнное заблужденіе, такъ какъ достаточно всмотрѣться въ ихъ жизнь, чтобы понять, что имъ не помогутъ никакія ре-